

Этот канон, что не един

Леонард Уильямс

29.04.2020

Краткое содержание

Размышления об анархистском каноне сосредотачиваются на ряде проблем: существует ли такой канон; вопросах идентичности и поддержания границ; беспокойств о представительстве. В этом эссе рассматриваются эти вопросы путем изучения не только того, что представляет собой канон, но и того, как он возникает и каким целям он может служить. Как правило, мы обращаемся к канону в качестве помощи для понимания или изменения мира перед нами. Таким образом, анархистские каноны развиваются не только вокруг текстов и теоретиков, но также вокруг событий и практик — однако ни один канон не может претендовать на универсальность; каждый из них изначально ограничен и искажен. Как нам тогда избежать опасностей утвердившегося канона? Первоначально эти риски можно смягчить, рассматривая канон как набор инструментов, позволяющий нам понять традицию и обрести средства для вклада в неё. Во-вторых, можно подвергать сомнению и оспаривать любой возникающий канон. Третий подход — обращать внимание на проблемы активистов и культурные продукты, которые отражаются на их практике. Наконец, всякий раз, когда мы сталкиваемся с установленным каноном, мы должны проверять его ценность, оценивая, соответствует ли он нашему состоянию.

Статья

В часто цитируемом отрывке Дэвид Гребер (2004: 3) отмечает, что во многих случаях анархизм рассматривался как набор идей, в целом сходных с марксизмом. Другими словами, «анархизм являлся плодом размышлений определённых мыслителей XIX века (Прудона, Бакунина, Кропоткина и т. д.); затем эти идеи стали вдохновлять на борьбу рабочие организации, проникли в политическую борьбу, появилось много направлений анархизма». Это сходство с марксизмом, особенно его академическим вариантом, также распространяется на явное учреждение и стойкость канона классических произведений. Действительно, Сурейя Эврэн заметил, что для справочников по анархизму характерно начинать с изложения ключевых теоретиков и заканчивать обсуждением практического применения их теорий. Однако, если «анархистские практики являются формой мышления: мышления о свободе, равенстве, солидарности, действиях», то «анархистская политическая философия не может быть понята, если обращаться только к представительным мыслителям, она требует анализа общих точек этой неуловимой сложной сети радикализмов и сопротивлений» (Alpine Anarchist Productions 2010).

Когда «*Anarchist News*» («The Anarchist Canon Is» 2010) спросили мнения об анархистском каноне, комментарии выявили столь же неуловимую и сложную сеть ответов. Некоторые комментарии представляли списки ключевых анархистских мыслителей; другие высказывали возражения против тех, кто был указан в списках, заявив, что некоторые из упомянутых фигур вообще не были даже анархистами. Другие комментарии выражали (более или менее вульгарно) мысль о том, что вся инициатива бесполезна. Размышление о существовании, форме и значении анархического канона, таким образом, поднимает ряд проблем. Одна проблема заключается в том, существует ли канон на самом деле. Другая проблема связана с вопросами идентичности и поддерживания границ: кто анархист, а кто нет? Что по духу анархично, а что нет? Еще одна проблема касается существенных беспокойств Гребера и Эврэна о представительстве: даёт ли институционализированный, фиксированный или утвердившийся канон привилегии одним текстам над другими и исключает ли он их.

Прежде чем продолжить, мы должны сначала решить, что является каноном. Не вдаваясь в подробности, мы можем понимать канон как список авторов или книг, которые нужно прочитать, чтобы быть осведомленным о конкретной области опыта или уметь отвечать на вопросы о ней. Можно видеть явные канонические влияния в некоторых антологиях анархистских трудов. Например, редактор одной антологии (содержащей сочинения, которые простираются от работ Годвина и Штирнера до работ Кон-Бендита и Гудмана) дерзко заявлял, что то, что «анархисты на самом деле говорили и делали в отношении конкретных экономических, социальных и политических проблем лучше всего узнавать из текстов, содержащихся в этой книге»

(Shatz 1971: xi). Более скромно, Даниэль Герен (2005: 3), хотя и намеревался никого не канонизировать, тем не менее счел целесообразным начать свою антологию с работ, которые он называл «пионерами», а именно — Штирнера, Прудона и Бакунина.

Таким образом, общепризнанный канон классических произведений анархистской традиции, безусловно, включал бы в себя работы Прудона, Бакунина и Кропоткина, возможно, дополненные произведениями Гольдмана, Малатесты, Ландауэра или сколькими угодно другими известными именами. Более свежие дополнения к такому списку могут включать работы таких людей, как Уорд, Букчин или Хомский. Как и все каноны, этот конкретный список авторов и текстов очень избирателен и ограничен по охвату; по своей природе ни один канон не может быть по-настоящему всеобъемлющим — что является одной из причин, по которой наличие любого канона проблематично.

Тем не менее, ведутся споры о том, существует ли на самом деле анархистский канон. Давая обоснование постанархизму, например, такие мыслители, как Сол Ньюман (2010), критиковали классический анархизм — воплощенный в работах Прудона, Бакунина и Кропоткина — за его просвещенческую ориентировку и эссенциализм. Оспаривая такие утверждения, Натан Джун (2012) ответил, что «классический анархизм» — вымысел. Он утверждал, что среди идей этих якобы классических анархистов невозможно найти общей, связной точки зрения. Эврен (2008) также оспаривал утверждения о классическом анархизме, отмечая, что для того, чтобы их поддерживали или даже полностью поняли, им для начала было необходимо построение критической генеалогии анархистского «канона».

Кроме того, можно указать на некоторые недавние введения в анархизм, которые отказываются от акцента на конкретных мыслителях и вместо этого предпочитают сосредотачиваться на движениях и ценностях — работы Колина Уорда (2004) и Синди Мильштейн (2010) примечательны в этом отношении. Для таких писателей восприятие анархизма как набора классических произведений весьма проблематично. Несмотря на то, что канонические произведения девятнадцатого века, возможно, ознаменовали начало традиции, «изолированное философское прочтение анархистской «классики» не может дать точную картину анархизма, которую лучше всего представить как «кредо, разработанное в действии» (Meltzer 1996: 13, 17). В этом контексте анархисты связаны не общими авторами или текстами, а общими темами, лежащими в основе их социальных и политических практик. Рэндалл Амстер (2012) соглашается, но затем еще больше запутывает дело, используя термин «канон» не в отношении совокупности авторов или текстов, а в отношении общих тем или ценностей, принятых анархистами на практике. Учитывая, что сами анархисты использовали этот термин по-разному и занимали различные позиции относительно вопроса канона, давайте переключимся с определения того, что *составляет* канон, на понимание того, для каких *целей* он может служить.

Хотя построение какого-либо конкретного канона является важным и сложным историческим вопросом, любой анархистский канон (в той мере, в какой он существует) мог бы предложить элементы ответа на такой вопрос: *в чём суть анархизма?* Конечно, люди, которые идентифицируют себя как анархисты, должны с некоторой частотой отвечать на этот вопрос в личных беседах. Тем не менее, просветительская ценность таких бесед ограничена — хотя бы потому, что сам анархизм представляет

собой недогматическую, неавторитарную перспективу. Как нам часто напоминают, анархизм не является полностью определенной идеологической доктриной; он не защищает ни универсальную программу, ни авторитетный набор принципов. Каждая выдвинутая программа или принцип обязательно подвергается критике и возражению. Чей-то взгляд на анархизм не представляет из себя ничего, кроме своеобразного понимания того, что представляет собой анархизм, или личной оценки его ценности.

Вынося обсуждение анархизма за рамки своего индивидуального кругозора, или если человек хотел бы умереннее отзываться об анархизме, она/он мог бы сказать что-то вроде этого: *вот в чём, по моему мнению, заключается суть анархизма, но если хочешь узнать больше, вот несколько книг (или брошюр, журналов, фильмов, дисков, сайтов и т. п.), которые помогли мне в нём разобраться. Возможно, они помогут тебе понять анархизм.* Даже в этой умеренной версии участники диалога (сознательно или нет) указывают на более широкое понимание анархистской традиции. Они делают это, определяя одни работы как находящиеся в рамках традиции, а другие — как выходящие за её рамки, и те, что находятся в рамках традиции, обязательно имеют определенное отношение к каноническим работам и концепциям. Таким образом, как предположил Джон Данн (1996) в отношении истории политической мысли, сам канон служит когнитивным ресурсом для понимания той или иной области или традиции. В целом, любая ссылка на канон дает любопытному человеку готовую ориентацию на конкретный мир с более или менее надежной картой данной территории.

Мы также можем понять канон в духе Витгенштейна (1958). С этой точки зрения канон функционирует как что-то вроде набора инструментов. Канонические произведения дают словарный запас для разговора об анархизме, а также для понимания его основных ценностей и проблем. Этот словарный запас используется для понимания анархизма, когда всплывает эта тема, или для комментирования определенных социальных и политических событий. Используя канонических авторов или тексты в качестве сокращенных форм общения, становится возможным быть ближе к единомышленникам. Следовательно, погружение в канон также похоже на изучение языковой игры, позволяющей человеку функционировать в определенной среде. Знакомство с каноном (будь то в качестве источника традиции или её дистиллята) приводит человека в сообщество, помогает человеку войти в форму жизни. Кроме того, разбираться в каноне — это как уметь считать; это позволяет продолжать. Можно предпринять дополнительные шаги в изучении традиции, передавая её уроки и ценности другим и даже внося свой вклад в неё.

Такое размышление об анархистском каноне делает канон средством, с помощью которого сообщество устанавливает свои границы, то есть провозглашает или утверждает свою идентичность. Однако для такой разнообразной традиции и сообщества, как анархизм, было бы неправильно пытаться установить постоянные границы или маркеры. Вполне может быть полезно думать, что в рамках широко формулированной анархистской «традиции» существует множество канонов — отдельных канонов, существующих либо в изоляции, либо в пересекающихся сетях (Jun 2012: 134). Например, имеет смысл полагать, что существуют разные канонические произведения для социальных экологов и для примитивистов. Конечно, их соответствующие кано-

ны могут расходиться (включая, например, Букчина, а не Зерзана, и наоборот), но они могут также немного пересекаться (например, добавляя Мамфорда), даже если их соответствующие интерпретации пересекающихся произведений, несомненно, различались бы. Таким образом, канон может рассматриваться как текстовый или интеллектуальный эквивалент аффинной группы. Он может даже функционировать как часть тактической формации на демонстрации (Winston 2011; “A Book Bloc’s Genealogy” 2012). Даже в этом случае признание разнообразия и множественности не означает, что мы отвергли саму идею канона или заставили исчезнуть какой-либо конкретный канон (мыслителей или текстов). Например, Альберт Мельцер, критик академических подходов к пониманию анархизма, позаботился о том, чтобы привести Годвина, Прудона и Гегеля в качестве философских предшественников анархизма, а затем детализировал то, что он считал конкретными принципами и ценностями анархизма. При этом он также отметил, что три важных направления теории и практики вытекают из Годвина, только один из которых привел к революционному «мейнстримному» анархизму, [который] был последовательным и единым, и ему было дано основание в трудах ряда таких теоретиков, как Петр Кропоткин, Эррико Малатеста, Луиджи Галлеани и другие» (Meltzer 1996: 17).

Поскольку общий вопрос об анархистском каноне просачивается среди ученых и активистов, я считаю полезным думать о нём частично через призму похожего давнего спора в академической политической теории. Изучение политической теории, особенно на факультетах политической науки, уже давно отождествляется с изучением канонических текстов в западной политической мысли - то, что Джон Ганнел (1979) назвал Традицией. Задуманные как серия классических работ, простирающихся «от Платона до НАТО», работы в этом теоретическом каноне были исключительно продуктом мертвых белых мужчин-европейцев. Пока феминистские и радикальные исследователи не стали оспаривать такие канонические подходы — в литературе, философии и политической теории — теоретики в основном продолжали преподавать свой предмет через эту призму. Канон текстов, хотя и подвергается критике и иногда пересматривается или дополняется, остается важной отправной точкой для понимания политической мысли. Даже самые преданные критики канона по-прежнему ссылаются на него и используют его, хотя бы для того, чтобы критиковать его, поскольку они, тем не менее, следуют другим направлениям мысли.

Почему это так? Одна возможная причина указывает на липкость самих канонов и традиций, особенно когда они являются предметом исследования. Каждое поколение теоретиков учит следующее так, как его учили. Есть также что-то утешительное в том, чтобы иметь канон, потому что он, по крайней мере, дает готовое описание чьей-то деятельности. В этом контексте политические теоретики читают и обсуждают определенный набор старых книг. Вторая часто упоминаемая причина заключается в том, что каноническая традиция выживает, потому что сами тексты служат важным источником обучения. Джордж Катеб (2002), например, рассматривает канонические тексты как ресурс для тех, кто стремится ответить на вопросы, связанные с политической теорией (независимо от того, расценивает ли он их как «извечные» или нет).

Последняя причина для изучения канона заключается в осмысливании инициативы политического мышления в более прагматичном контексте. Джеймс Талли

(2002), например, утверждает, что смысл исторической работы в политической теории заключается в том, чтобы показать, что гегемонистские формы мышления были установленными ответами на конкретные проблемы. Чтение канонических произведений помогает размышлять о том, как развиваются или эволюционируют наши социальные и политические практики, так что историческое исследование предыдущих форм политической мысли помогает определять альтернативы нынешнему порядку. Еще одна причина для размышления над традицией, которую предлагает Талли, состоит в том, чтобы определить языковые игры (т. е. словарный запас, примеры, аналогии и нарративы), посредством которых действуют политические споры и борьба. Изучение наших языков и практик, как исторических, так и современных, может помочь нам понять взаимодействие проблем и решений, связанных с управлением и свободой.

Однако существуют опасности в принятии канона. Одна из таких опасностей заключается в институционализации, закреплении или реификации этого канона. Имея такой канон, мы рискуем ошибочно принять наше вводное знакомство с областью теории или практики за весь опыт. Мы не должны принимать карту за территорию или часть за целое. Это ошибка, которую некоторые анархистские мыслители называют представлением — любая ситуация, в которой один говорит от имени другого, говорит о другом или говорит за другого. Например, постструктуралистский анархизм Тодда Мэя (1994: 130) построен на основе этического принципа, согласно которому «практик представления других людей самим себе — будь то представление того, кто они такие или того, чего они хотят — следует как можно больше избегать». Дружественные предложения — это одно, он предполагает, но психоаналитические интерпретации — это нечто другое. Несомненно, политические или правительственные выражения заинтересованности (заявления о том, чего хотят люди этого сообщества) идут еще дальше; действительно, они представляют собой акты власти или господства. Неудивительно, что Михаил Бакунин отвергал любую власть, которая была навязана извне или считалась безошибочной. В любом контексте — будь то церковь или государство, в терапии или в академии — его наблюдение, «характерной чертой привилегии и любой привилегированной позиции является убийство ума и сердца людей», до сих пор убедительно (Bakunin 1882).

Наблюдения Мэя напоминают нам о том, что мы не должны предполагать, что семейные сходства, которые позволяют нам определять школы мысли, политические или религиозные идеологии и тому подобное, также позволяют нам рассматривать эти явления как монолитные. Когда основные СМИ прибегают к стереотипным очертаниям «анархистов», как это недавно сделал Крис Хеджес (2012), это вызывает испанский стыд. Можно было бы ответить терпеливым обсуждением реалий анархистской практики (Graeber 2012) или предпринять некую форму ответного нападения (Anonymous 2012). Независимо от того, какой ответ был бы самым эффективным, полемика, вызванная колонкой Хеджеса, показывает, что тенденция представлять других самим себе не является однонаправленной. Когда очертания «анархистов» используются таким представительским образом, некоторые анархисты возвращают услугу, прибегая к столь же представительским очертаниям «либералов» или «пацифистов», «журналистов» или «академиков». Разве представление товарищей нашими политическими противниками должно быть осуждено как вводящее в заблуждение

и стереотипное, в то время как наше представление тех же противников должно быть принято как правда, высказанная сильным?

Рисуя и поддерживая границы между противниками и защитниками различных систем господства, анархисты и другие радикалы, похоже, участвуют в битвах за представление — что А. К. Томпсон (2010) назвал «семиотическими уличными боями», а Гребер (2009) обсуждал под заголовком «мифологическая война». Таким образом, подтверждая принципиальную оппозицию анархизма представлению, мы, похоже, утверждаем, что анархизм (в отличие от других форм радикализма) не является ни доктринальным, ни предписывающим, но открытым и личным по своей природе. Более общая цель в противодействии представительским практикам как таковым, особенно тем, которые часто используются в СМИ и академии, — избегать диктовать другим то, во что они на самом деле верят, что они чувствуют, говорят или имеют в виду в силу определенных утверждений, действий или практик. Это замечательно неавторитарная позиция, но если зайти слишком далеко, она может привести к тому, что вообще будет трудно сказать что-либо о чем-то важном. В то же время мы признаем, что анархизм незавершён и изменчив, мы могли бы с большой вероятностью оказаться в ситуации, в которой мы отказываемся от права говорить о других, кроме как в индивидуалистических, своеобразных терминах. Критика, будь то в форме слова или дела, была бы невозможна.

В этом контексте, скажем, я не смог бы обсуждать практику академиков, потому что, утверждая, что есть класс людей, называемых «академиками», я сглаживаю, универсализирую и иным образом неправильно представляю их. Если бы я утверждал что-либо о «платформистах» или «повстанцах» — или о любой другой группе — не стёр бы ли я аналогичным образом разнообразие мнений и опыта, которое можно найти среди людей, идентифицирующих себя с этой группой или активных в ней? Если нельзя обсуждать общее из-за страха совершить представление, если вместо этого необходимо оставаться в тисках уникального и своеобразного, то мне кажется, что разговор (не говоря уже о размышлении или теории) становится невозможным. Единственными оставшимися альтернативами будут либо аутичное молчание, либо опора на наглядное — ни одна из которых не поможет нам достичь политических целей, которым мы можем быть привержены. Безмолвие в отношении опыта может сводиться к пособничеству злу, которое мы хотим предотвратить, и мы не можем просто указать на капитализм или господство и ожидать, что нас поймут.

Опять же, мы обращаемся к канону произведений (в какой бы то ни было форме или среде) в основном как к вспомогательному средству для понимания и изменения мира перед нами. Канон позволяет нам войти в дискурсивный контекст, переосмысливая его во время взаимодействия с ним. Однако вопрос о происхождении канона остается. Типичным предположением является то, что канон был определен какой-то авторитетной группой экспертов, возможно, даже авангардом. Можно представить себе комитет образованных людей с соответствующими полномочиями, составляющий список Великих Книг, которым мы должны уделять внимание, если хотим считать себя образованными или культурными существами. Довольно неправдоподобно представлять такую группу старейшин-активистов и теоретиков (или их комбинации), которые собираются вместе, чтобы обсудить, какие тексты должны быть в коллекции Великих Книг Анархического Мира. Хотя мы говорим о анархист-

ском каноне, он, без сомнения, не является продуктом какого-то авторитетного органа — такого органа не существует. Скорее всего, анархисты не позволили бы его создать, и даже если бы такой орган появился, не обратили бы на него никакого внимания.

Возможно, каноны появляются как части стихийной последовательности, посредством повторяющихся отдельных разговоров, упомянутых выше. Предположим, что один активист или теоретик в данной среде говорит другому, что определенные работы Ноама Хомского всё объясняют; последний в свою очередь говорит другому и ещё другому. Делаются неоднократные запросы на работы Хомского на книжных ярмарках и в инфошопах, наряду с другими анархистскими писателями или творцами, которые (по тем или иным причинам) стали столь же заметными в умах людей, заинтересованных в анархизме. Люди за пределами среды слышат о рекомендации через любопытное взаимодействие, случайное подслушивание или правительственное наблюдение, скажем. Ходят слухи, что надо читать Хомского, если кто-то хочет понять, как люди в среде смотрят на вещи. (Процесс продолжается, действуя, возможно, как личный эквивалент алгоритмов, используемых Amazon.) Прежде чем мы осознаем серьезность наших действий, «Хомского», таким образом, канонизировали. Последующих людей всегда будут побуждать, поощрять, оказывать на них давление или, возможно, даже вынуждать читать Хомского, чтобы присоединиться к аффинити-группе или внести свой вклад в журнал, эффективно участвовать в беседе или быть принятыми в анархистскую среду. Очевидно, что чем более доброволен этот процесс канонизации, тем он более приемлем с анархистской точки зрения. Несмотря на это, представляется вероятным, что добровольное согласие одного человека или одной группы станет навязанным извне требованием другого; свободное предпочтение в конечном итоге превращается во властный мандат.

Конечно, вполне возможно, что каноны не появляются таким спонтанным образом. Независимо от того, как они появляются, суть в том, что, как только они более или менее сформированы, каноны, безусловно, подтверждаются и воспроизводятся с каждым последующим исследованием или комментарием. Как мы видели выше, даже анархистские теоретики и активисты, которые хотят писать только об общих ценностях, тем не менее, часто ссылаются на канонических фигур в традиции. В этом отношении возникающие каноны мало чем отличаются от устоявшихся социальных отношений или ортодоксальных идеологических взглядов, против которых часто выступают анархисты. Чтобы каноны существовали и сохранялись, люди — исследователи и комментаторы, теоретики и активисты — должны обращаться к относительно распространенному набору работ при поиске направления или руководства. Принимая или предполагая существование какого-либо конкретного канона, люди помогают гарантировать, что содержание канона было сформировано (в определенной степени) их исходными взглядами и проблемами, которые они пытаются решить. Таким образом, ни один канон не может претендовать на универсальность; каждый по своей природе избирателен, ограничен и искажен.

До этого момента я трактовал понятие канона так, как если бы оно было ограничено книгами и авторами. Хотя этот термин обычно понимают таким образом, он, безусловно, имеет более широкое применение, если признать, что каноны функционируют во многом как парадигмы или исследовательские программы в науке —

то есть канонические произведения функционируют как набор образцовых достижений (Wolin 1968; Kuhn 1970; Lakatos and Musgrave 1970). Мы обращаемся к таким образцам, когда мы сбились с пути, хотя и временно, и нуждаемся в направлении для нашего мышления и действия.

Таким образом, мы находим, что анархистские каноны развиваются не только вокруг текстов и теоретиков, но и вокруг практик. Подумайте о том, как мы рассказываем историю анархизма, ссылаясь на архетипические события: Парижскую Коммуну, Хеймаркет, Гражданскую войну в Испании, май 1968 года, восстание сапатистов, Сиэтл и т. д. Мы получаем поддержку и вдохновение, вновь возвращаясь к проблемам, с которыми сталкивались товарищи, и действиям, которые они предпринимали в этих и других обстоятельствах. Также подумайте о том, как мы обсуждаем анархистские тактики, неоднократно ссылаясь на такие распространенные методы, как разгромы, шипование и усилия Черного блока; не говоря уже о сквотах, уличных вечеринках и временных автономных зонах, или даже бесплатных школах, инфошопов и движении «сделай сам» (Franks 2006). Читая или слушая о том, как другие использовали эти тактики, мы получаем репертуар практик для экспериментации и набор опыта, которым можно поделиться и сравнить. Далее, в контексте предвосхищающих социальных отношений, обратите внимание на дискуссии об архетипических организационных усилиях от «Вернуть себе улицы» до «Еды вместо бомб», от «Земли прежде всего!» до «Критической массы», от Ситуационистского интернационала до коллектива бывших работников CrimethInc. (Shantz 2011).

Как такие практики могут стать каноническими? Один из вариантов заключается в том, что люди, идентифицирующие себя как анархисты, разрабатывают тактику или начинают проект, рассказывают или пишут об этом на анархистских форумах и, таким образом, получают ярлык «анархист». Другой вариант заключается в том, что анархисты извлекают важные ценности и уроки из теоретических перспектив, найденных в канонических текстах, а затем реализуют их на практике. В абстрактном плане ни индуктивный, ни дедуктивный ответ не являются полностью правильными. Как и в случае с текстовым каноном, любой конкретный ответ требует более детальной генеалогии, чтобы быть приемлемым. Не вызывает сомнений то, что, опять же, такой канонический набор инструментов возникает, когда люди обращаются к относительно общему набору практик, которые обеспечивают некоторое направление или руководство о том, как действовать в социальных и политических контекстах. Как заметил Уорд (1996: 19): даже несмотря на то, что многие «малоизвестные революционеры, пропагандисты и учителя, которые никогда не писали книг», безусловно, продвигали дело анархистов; ссылки на «известные имена анархизма» повторялись в его книге «просто потому, что то, что они написали, говорит, как говорят квакеры, о нашем состоянии».

Поскольку мы находимся в личном и виртуальном общении (как непосредственном, так и опосредованном) с другими, потому что мы стремимся строить и влиять на ряд социальных отношений, трудно избежать заключения о том, что представление происходит. Поскольку мы ищем руководство и направление, поскольку мы стремимся снабдить и пополнить наши наборы инструментов концепций и практик, кажется, что каноны возникают как часть того, что кажется естественным процессом. Как

тогда мы можем избежать опасности, которую представляет собой утверждённый канон?

Ури Гордон (2008) во введении к своей книге предложил несколько полезных размышлений об отношениях между теорией и практикой, которые могут быть полезны в этом контексте. Из-за своей приверженности неавторитарным ценностям, анархистские теоретики должны быть очень осторожными, чтобы избежать как представления, так и авангардизма в их мышлении и письме. Одним из пространственных способов предотвращения этих ошибок является то, что писатель представляет автобиографический очерк, тем самым предоставляя читателю координаты, необходимые для нахождения писателя в социополитическом пространстве. Это обычно принимает форму списка формирующих опытов и ассоциаций, конкретных действий и движений, в которых автор был частью. Независимо от того, были ли выдвинуты добросовестные активисты, авторы часто используют другой приём, чтобы смягчить эффект своих анализов, а именно, предоставляют список предостережений. Иногда предостережения говорят читателю, что не имеется в виду или не подразумевается под определенными выражениями или проблемами; в других случаях они помещают проект в контекст очень ограниченных целей. Здесь, среди анархистов, часто бывает полезно цитировать пронизательный комментарий Гребера (2004: 12) о том, что теоретические интерпретации следует правильно понимать «не как рецепты, а как вклады, возможности - как дары». Короче говоря, основной урок для теоретиков — прислушиваться к среде — или, вернее, к средам. Как нам известно, анархизм в совокупности состоит из разнообразного набора школ и практик — ни одна из которых не имеет общепринятых, обоснованных претензий на то, что она представляет или является *анархизмом* как таковым. Риски, связанные со ссылкой на анархистский канон, могут быть уменьшены, если теоретик в целом остается близким к практическим проблемам активистов.

Похоже, что основным средством решения нашей проблемы представления является предоставление критической поддержки идее анархистского канона. Всякий раз, когда канон развивается, а он, вероятно, разовьётся, следует подходить к его чтению не как к предписывающим условиям для вступления в клуб. Быть анархистом — это не вопрос пробития читательского билета во всех нужных местах. Вместо этого канон следует рассматривать как средство, позволяющее ученым и активистам обрести понимание традиции (найти свои корни) и приобрести некоторые рычаги для творческого вклада в нее. Канонические произведения не столько *представляют* (обозначают) анархизм, сколько предоставляют средства, с помощью которых мы можем *ре-презентировать* (предлагать заново) некоторые идеи, ценности и дух, заключённые в анархизме. Короче говоря, следует придерживаться прагматического подхода, который изначально принимает канон в качестве общедоступной, но лишь по-видимому фиксированной точки входа, через которую может быть трансформирован сам канон - как заметил Деррида (1988: 62), «итеративность меняется».

Второй путь спасения может заключаться в том, чтобы продолжать подвергать сомнению и оспариванию любой возникающий канон. В этом смысле мы можем использовать канон не только как точку входа, но и как линию полета. В широком контексте анархизма сторонники определенных (под)традиций обычно спорят друг с другом об относительной ценности того или иного текста, того или иного способа

мышления, той или иной стратегии или тактики. Таким образом, существование конкурирующих школ мысли и разнообразие рассуждений, которые они воплощают, представляет собой один из возможных способов избежать опасности утверждения. Кроме того, необходимо поощрять конкретные вызовы любому потенциально институционализированному канону от имени произведений, мыслителей и школ, которые оставлены или пропущены приверженцами канона. Феминистки и критические теоретики расы выполняли эту функцию для других канонических областей, а также для анархизма, и они должны продолжать делать это. Кроме того, пробелы в каноне являются ценным источником для творческого обновления и оживления более широкой традиции. Возьмем, к примеру, проницательность и энергию, привнесенные в анархизм благодаря повторному открытию мысли Штирнера или ситуационистских практик. В общем, мы бросаем вызов или изменяем традицию, в основном, вспоминая то, что мы о ней забыли, выдвигая на первый план то, что мы иначе оставили позади.

Последний путь столкновения с каноном заключается в том, чтобы ученые и теоретики, какими бы основанными на тексте они ни были, имели в виду, что анархизм уже давно воспринимается как ориентированная на действие традиция. Даже как способ мышления или идеология, его проблемы были в значительной степени практическими. Теоретики должны обращать внимание на выраженную обеспокоенность активистов и на обоснованные размышления об их практике. Кроме того, теоретики должны обратить внимание на споры, которые часто возникают среди активистов в разных сферах. В этом смысле комментаторы и наблюдатели должны планировать серьезно относиться к полемике, обращая внимание на противоречия, возникающие среди активистов в разных регионах, и взаимодействовать с ними. Конечно, личное общение с активистами помогает, но также помогает уделять внимание культурным продуктам, которые регулярно появляются в ходе различных практик.

Такой подход к размышлению о каноне также требует некоторой саморефлексивной мысли о том, в какой степени он либо нарушает, либо остается верным анархистскому духу, как бы он ни был понят. Конечно, интеллектуальная работа — мышление и письмо — не отсутствовала в различных анархистских традициях прошлого и настоящего. Многие анархисты девятнадцатого и двадцатого веков были и писателями, и активистами; сегодня многие анархисты мало чем отличаются. Мы знаем об их борьбе и заботах по их сочинениям, искусству, разговорам, поступкам и воспоминаниям, которые нас заинтересовали и вдохновили. Тем не менее, некоторые анархистские теоретики и комментаторы хотят настаивать на том, что трактовать анархизм как идеологию или политическую теорию с самого начала было ошибкой. На фоне утверждений о том, что все «*ісмы*» — это «*wasмы*», цель, похоже, состоит в том, чтобы напомнить нам, что продвижение анархии — это деятельность, а не доктринальный свод. Кроме того, некоторые активисты занимают антиинтеллектуальную позицию, критикуя тех, кто занимается наукой, либо как недостаточно анархистских, либо как чрезмерно карьеристских, и подстрекая анархистов на действия и ничто, кроме действий. В центре наших усилий должны быть *действия*, задуманные как практическое отрицание существующего положения дел (Holloway 2005: 23). В этом контексте «то, что нужно анархизму, — это то, что мож-

но назвать низкой теорией: способ решения тех реальных, неотложных вопросов, которые возникают в результате преобразующего проекта» (Graeber 2004: 9).

Даже если мы последуем указанным выше путям, анархисты должны быть осторожны, чтобы не поменять одну форму утверждённого мышления на другую. Не следует фетишизировать «низшую» теорию, возникающую из участия активистов, так же, как не следует фетишизировать «высшую» форму теоретизирования, которая может быть очевидна в каноне. При правильном понимании давний трюизм о необходимой взаимосвязи между революционной теорией и практикой все еще сохраняет определенную силу. Как, в конечном итоге, можно исследовать неортодоксальную перспективу с помощью более или менее канонических авторов, текстов или практик? Можно ли даже держать канонических писателей, тексты или практики в критической или ориентировочной хватке?

В некоторых отношениях ответы на эти вопросы остаются эмпирическими или практическими делами. Мы не можем предоставить их каким-либо абсолютным или вечным способом. В экспериментальном подходе, принятом некоторыми квакерами, мы должны опираться на продолжающиеся откровения, которые приходят к нам в ходе нашей повседневной социальной и политической жизни. Всякий раз, когда мы встречаем определенный элемент установленного канона или сталкиваемся со всей совокупностью канонических работ или практик, мы всегда должны проверять его ценность, оценивая, говорит ли он о нашем состоянии. Другими словами, аргументы за любой принцип или практику должны основываться на их собственных достоинствах, независимо от того, были ли они извлечены из фигуры канона или разделены ей (Philp 2008: 146). Мы должны бросить вызов трудам и практикам, с которыми мы сталкиваемся, чтобы должным образом учесть уроки, которые мы извлекли из нашего собственного опыта и суждений.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Леонард Уильямс
Этот канон, что не един
29.04.2020

Скопировано 05.01.2025 с
<https://vk.com/@-194022101-leonard-williams-this-canon-which-is-not-one>

ru.anarchistlibraries.net